

Андрей ТАТУР

Андрей Анатольевич Татур родился 23 июня 1979 года в посёлке Новоелья Дятловского района Гродненской области. Поэт, автор и исполнитель песен. Работает художественным руководителем Гродненского городского центра культуры. Участник музыкальной группы «Х-Б». Автор изданных сольных альбомов: «Мой Вавилон» (2008); «Когда мне было 10 лет...» (2010), «Невидимый воин» (2017) и других. Стихи Андрея Татура появляются на страницах Гродненской региональной газеты «Перспектива». В 2020 году с рукописью сборника стихов и песен «Ключ от всех дверей» поэт стал победителем III Областного конкурса рукописей имени Тётки (А.Пашкевич) в номинации «Открытие года». Пишет на русском языке. Живёт в городе Гродно.

СТИХИ И ДОЖДЬ

На стёклах оставляет дождь зигзаги,
размытые прозрачные штрихи,
записываю на клочке бумаги
рождённые уютом стихи.

В полупустом бистро я не случайно,
спасаясь от промозглого дождя,
я понемногу согреваюсь чаем,
услужливую память бередя.

Прибавь-ка, дождь, ты иногда уместен,
бросай в прохожих капли-жемчуга
и жаль, что время не стоит на месте,
я на часы смотрю, как на врага,
они идут бессовестно, беспечно,
неумолимо сокращая век...
Зато стихи останутся навечно
в звенящей тишине библиотек.

ПРИЗРАЧНЫЙ ГОРОД

ты исчезла без разговоров
под возню календарных чисел
и укрыл тебя призрачный город
от моих надоедливых писем.

как назло, разорвалось небо,
дождь цинично размыл дороги,
город-невидаля, город-небыль
охраняет свои чертоги.

угловаты мои надежды,
весь тираж с заводским браком,
только я остаюсь вежлив –
слишком много поставлено на кон.

ясно вижу штрихи очертаний –
это, вроде, хороший признак,
но опять тает словно в тумане
город-невидаля, город-призрак.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Ещё один ложится день
на наковальню лет.
В зеркально-радужной воде
красуется рассвет.
Зажглась и вспыхнула заря,
а с ней – остатки сна
через секунду догорят,
простившись до темна.
Встаю. Негромкий скрип пружин...
Окошко отворю...
Я каждый день за то, что жив,
судьбу благодарю.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Сцепились мохнатые тучи –
недолго осталось до слёз
и носится ветер колючий
среди дрожащих берёз,
готовый набедокурить,
ветвей наломать – шальной.
Стрижи, предчувствуя бурю,
щебечут наперебой.
Но вот заглушил их крики
раскатистым гулом гром,
на миг ослепили блики
и молния в небе ночном
оставила шрам зигзагом,
(век ждать от неё добра).
Вдруг резко запахло влагой
и хлынуло, как из ведра.

НЕЖНОСТЬ

С тобой переплелись, ветвями перевились,
как в солнечном саду пурпурный виноград.
Всё то, что сберегли, всё то, что сохранили,
спасает нас теперь и в дождь, и в снегопад.

На свете нет сильней, нет трепетнее чувства,
мне трудно объяснить, как я тебя люблю.
Ты превратила всё в высокое искусство
и мне с тобой легко, как в небе журавлю.

Не будем говорить о том, что было «между»,
не будем вспоминать о том, что скрыто «за»...
Друг другу дарим мы неистовую нежность,
всё так же горячо, как много лет назад.

HOMO SAPIENS

можешь бежать за своею мечтой
все три четверти века,
но не забудь тех, кто рядом с тобой –
просто будь человеком!

русский, араб, китаец, еврей,
или потомок греков,
не унижай принадлежность людей –
просто будь человеком.

нищий, богатый, хороший, плохой,
здоровый ты или калека,
не обижай тех, кто рядом с тобой -
просто будь человеком.

спор никогда не решить войной,
вспенится кровь в реках,
чтоб не молиться за упокой –
просто будь человеком.

ПИСЬМО ИЗ СТАЛИНГРАДА

Почва, вода, да и воздух, похоже,
плавятся, тлеют, горят...
Здесь бы сам дьявол вылез из кожи
и убежал в свой ад.
Выжженный город размазан по грязи,
корчится в жиже бетон.
Мало патронов, нельзя косоглазить,
выдох, выстрел... и стон.
Всюду в окопах лежат полутрупы,
молятся, стонут, хрипят...
И не смолкают небесные трубы,
чувствуя души ребят.
Мама, мне страшно, ночами не спится,
веки сковал мне страх.
Умерли мы и родились убийцы
с ненавистью в глазах.

Мама, боюсь, ты меня не узнаешь,
годы легли на весы...
Мама, прости, я люблю и скучаю.
Помни. Пиши. Твой сын.

МАЛАЯ РОДИНА

Край исписанных дорогами равнин,
удивляющий раздольем вновь и вновь.
Я воды из родника набрав кувшин
(освежающей, как первая любовь)
пью и пью, смакуя не спеша глотки,
заколдованный вечерней тишиной
и безмерно удивляюсь, как легки,
и как трепетны свидания с тобой.
Край, который невозможно не любить,
несмотря на свист ветров со всех сторон.
Здесь не каждому дано привыкнуть жить,
здесь на зло пристало отвечать добром.

Ты прости, мы редко видимся с тобой,
мой гостеприимный край, открытый всем.
Я надеюсь, предначертано судьбой,
что вернусь к тебе, однажды, насовсем.

СИНЕВА

ты, порою, невыносимая,
бросить всё, улететь бы с птицами,
но бескрайнее небо синее
прячется под твоими ресницами.

ослепительная и чистая
синева без единого облака,
а улыбка – солнце лучистое,
главный штрих твоего облика.

жаль, порою, ты невыносимая,
так и целишь мне в сердце спицами,
но бескрайнее небо синее
прячется под твоими ресницами.

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

Иду по дороге и вижу пустые
приземистые дома,
они милосердно хозяев простили
и тихо сходят с ума.
Я им соболезную и понимаю –
немного похоже на бред,
но в их одиночестве сам отражаюсь –
бесформенный силуэт.
Сознание живо рисует картину –
плодовый ухоженный сад,
резное крыльцо, спелых яблок корзина,
раскидистый виноград,
и звонкая песня радушной хозяйки,
заливистый детский смех,
обеденный стол на тенистой лужайке
и тосты «за этих», «за тех».

Пустые, холодные, Богом забыты,
заброшенные дома,
не просят пощады, не просят защиты –
молча сходят с ума.

ПОЛУСТАНОК

мир печален, хоть и красив, несомненно, красив,
но не будем о нём, я тобою хочу любоваться,
потому что люблю, разрешения не спросив,
потому что давно уже нам далеко не двадцать;
а беспечные дни так же тонут в холодной воде,
мы несёмся, цепляясь за стрелки часов, и видим,
что стоят поезда на пустом полустанке, где
никогда в них никто не войдёт
и никто не выйдет.

ПОЛШАГА

Мы говорим с тобой на разных языках,
как будто жили в древнем Вавилоне
и лишь когда твоя ладонь в моей ладони,
слова становятся улыбкой на губах.

Есть две иглы внутри любого человека:
одна холодная и длинная – для боли,

другая, проникая глубже, тоже колет,
но незаметно, как искусный лекарь.

Снег выпал за окном белее, чем бумага
и от зимы с тобой нам никуда не деться,
но если на двоих одно большое сердце,
то до весны совсем недалеко –
полшага.

ПАПЕРТЬ

читаем Библию и всё равно грешим,
у Бога просим Рая для души
и пьём вино, порой, не зная меры,
и детям подаём не те примеры,
измены стали блажью для супругов,
обманы в радость, сплетни друг на друга
и зависть точит изнутри, как червь,
к замкам добра не подобрать ключей,
не поделив – ломаем, рвём на части,
чужое горе стало нашим счастьем,
здесь брат на брата вновь идёт войною,
а там их жизни ничего не стоят;
вы ненависти дайте только волю,
как вмиг шкала взлетит до бесконтроля
и не помогут ни мольбы, ни слёзы –
восстанет гнев, как из анабиоза...

.....

вот так живём – от «каюсь» и до «каюсь»,
и у порога церкви, спотыкаясь,
у Бога просим Рая для души
и всё равно грешим,
грешим,
грешим...

ГАРМОНИЯ

стою на опушке и вижу перед собой
пронизанный солнечным светом еловый лес,
а в небе сошлись облака и несутся гурьбой
туда, где качается радуга наперевес,
деревья шумят, звенит ручеёк вдали,
всего лишь на миг, я, с миром утратив связь,
закрою глаза, как в детстве – «чтоб не нашли»
и всё растворится, музыкой становясь.

СНЫ В ПОЛОСЕ ПРИБОЯ

Я приехал жить у океана,
слушаю полночный шум прибоя
и брожу вдоль кромки утром рано,
где вода, как небо голубое.

Чайки белокрылые взлетают,
кувыркаясь, плещутся дельфины,
а на берег волны набегают,
выгибая вспененные спины.

Повезло – сдружился с рыбаками,
доверяют мне поставить сети,
управляю лодкой с парусами
и ловлю попутный свежий ветер,
и на берег, возвращаясь поздно,
лёгкую усталость ощущая,
наблюдаю, как лампы-звёзды,
вечер постепенно зажигает.

Лишь ночами снится мне всё чаще
та, с которой в стороне родимой,
был когда-то беззаботно счастлив,
та, что называл своей любимой.

